

Дом на отшибе

Лучше бы бабка не рассказывала внучке сказку о старом доме, где был спрятан клад и где по ночам что-то кричало, визжало и плакало! Мало того, что теперь перед сном Лидуха донимала падавшую от усталости старую женщину — «Баба! Не спи, рассказывай!», — в поисках клада она все стены в доме исковыряла и перекопала все, что можно было перекопать во дворе...

Девчонка выросла вредная, крикливая, шkodливая. То в школе подерется, то у соседского кота усы подпалит, то хвост щенку подрежет. Бабке ни жить, ни умирать не давала, а уж соседи и вовсе не знали, куда от этой бестии деваться.

Однажды ночью разболелся у Лидухи зуб. Хотела было разбудить бабку, как вдруг увидела, что та встает сама. Распорол старуха подушку, а там — деньги!

Утром бабка ушла на базар — торговать семечками и булочками. И только это она со двора, а на порог — цыганка. На улице холодно, а цыганка — в одном халате. Распахнула халат перед Лидкой, а под ним — ничего, голая! Девчонка отдала ей всю зимнюю одежду бабки, а в придачу вынесла и подушку с деньгами...

Бабка узнала — слегла, собралась умирать. И вдруг слышит — Лидка кричит не своим голосом: с вишни упала. Где уж тут помирать, — месяц выхаживала девчонку. Ну, цорес и цорес!

Половину своего дома бабка купила еще до войны — за гадание. Стала она знаменитой гадалкой после того, как угадала, кто украл корову у рыжей Мани. Корову вернули, а к бабке потянулись гадать все от мала до велика.

В начале войны она уехала в Ташкент, а дочь с мужем и тремя детьми выехать не успела. Кто-то выдал их семью (говорили, что полицай Гришка). Расстреляли всех, кроме двухлетней Лидки: в последний момент ее выхватили и спасли соседи-болгары.

Бабка вернулась, и ей отдали девчонку. Доживать бы ей спокойно: ее изумительно вкусные булочки и семечки на «Сахалине» покупали все.

Почему поселок назывался «Сахалин», — не знал никто. Возможно, потому, что был он расположен в отдаленном пригороде у самого Днепра. И жили здесь люди разные: все больше простые — рабочие заводов — украинцы, русские, евреи, поляки, цыгане, болгары... Они частенько ссорились, иногда даже дрались, но менять место жительства почему-то не хотели.

Во дворике, обнесенном железным забором, у бабки был старый сарай. В другой половине дома хозяйничала богатая Дуська, державшая кур, свиней и корову.

Однажды угол старого сарая обвалился, и бабка с внучкой полезли на сеновал — починять полочку. Старуха прилаживала железный лист, а девчонка копалась в соломе. И вдруг — крик: «Баба! Клад!»

Развернули старую бумагу, а в ней — кулончик на серебряной цепочке. Выпала Лидкина фотокарточка, а на листе карандашом, крупными буквами написано: «Нас выдала фашистам соседка Дуська...»

Еле слезла с чердака, едва добралась до кровати, а сколько пролежала, — и вовсе не знала. Очнулась от крика во дворе. Кричала Лидка, а еще громче — соседка Дуська: — Жиды проклятые! Мало вас перебили!

Старуха вышла к калитке. И показалось ей, что весь «Сахалин» сбежался на крик. Дуська девчонку за ухо треплет, шапчонка у нее сбилась, а на улице — мороз. Оказалось, Лидка присоветовала Дуськиному внуку лизнуть железный забор. У того язык и примерз, еле отлили теплой водой. Все шкоды припомнили сахалинцы Лидке — и драки, и ссоры, и kota, и щенка...

Бабка подошла к Дуське:

— Убери свои поганые руки! Еще раз тронешь девчонку, — убью!

И развернула найденный на чердаке лист.

— Ну и что? Я уже свое отсидела за помощь немцам!

И тут сахалинцев прорвало:

— Иуда! Предательница!

— Убийца!

— Ведьма! Змея подколотная!

Люди плевали на нее, а она продолжала огрызаться:

— Они Христа распяли! Они — жиды!

— Баба, скажи, что мы — не жиды! — кричала Лидка. — Скажи!

И тут верующий Беня-заика тихо, но чётко сказал:

— Христос тоже был евреем. И не Лидка его распинала. И это он говорил: «Не убий!»

К Лидке потянулись руки: кто пряник дает, кто — конфету, кто — куклу тряпичную... Она тут же обо всем и забыла:

— Ба, смотри: петушок на палочке! Ба, — кукла!

А та стояла бледная, смотрела на людей сухими благодарными глазами и все гладила, гладила Лидкину непокорную голову.